

В.И. Яковенко

Джонатан Свифт

Его жизнь и литературная деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В11 **В.И. Яковенко**
Джонатан Свифт: Его жизнь и литературная деятельность / В.И. Яковенко –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-4241-2463-1

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2463-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.И. Яковенко, 2021

Валентин Яковенко
Джонатан Свифт. Его жизнь и
литературная деятельность

*Биографический очерк В. И. Яковенко
С портретом Свифта, гравирован-
ным в Лейпциге Геданом*

Введение

Обычные суждения о Свифте. – Портрет Свифта. – Пылкость и рассудительность. – Надгробная надпись на его могиле. – Saeva indignatio et virilis libertas как основные черты его характера, деятельности, произведений.

Кто не читал, по крайней мере в дни детства и юности, «Путешествий Гулливера» и не сохранил о них воспоминаний как о крайне забавной и увеселительной книге, а об авторе ее, Джонатане Свифте, как об остроумном рассказчике? Знаем мы еще, хотя крайне смутно и неопределенно, что Джонатан Свифт был превеликий мизантроп, человеконенавистник, что он загубил жизнь двух женщин, что он отличался непостоянством в своих политических убеждениях и переходил на сторону тех, кто в данный момент стоял у власти, и так далее. Действительно, вокруг личности Джонатана Свифта накопилась такая масса всяческих вероятных и невероятных рассказов, эпизодов, историй, что английские биографы до сих пор, то есть спустя почти полтора столетия после смерти его, принуждены входить в детальное рассмотрение и опровержение разных сомнительного сорта выводов, на которые так падка всякая ограниченность по отношению к истинному величию. Речь идет, собственно, не столько о самих фактах, сколько о том или ином освещении и сопоставлении их. Если и в Англии, на родине, жизнь гениального сатирика, его характер, внутренние мотивы его деятельности получают разное толкование и освещение, то мы ограничиваемся или полным неведением, или кое-какими обрывками и принимаем с легкой верой всякие рассказы о бессердечности, измене и так далее. В предлагаемой биографии, конечно, не место входить в рассмотрение и оценку различных аргументов, приводимых в пользу того или другого мнения. Оставляя все это в стороне, я обрисую жизнь, характер и деятельность Джонатана Свифта, как они представляются на основании позднейших английских работ, заслуживающих наибольшего доверия. Напомню только, что если великий человек, – будь то вдохновенный поэт, или творец новых идей, или беспощадный критик отжившего и борец за лучшее будущее, – не лишен многих людских слабостей и недостатков, то не ради этих последних мы изучаем жизнь его. Все они теряются в безбрежном море мыслей и дел, порождаемых на благо человечества истинным гением. А что «золотая середина» со своим пошлым мерилом умеренности и аккуратности не может успокоиться, не измерив в точности все эти слабости и недостатки, – так ведь иначе и быть не может: ей не под стать безбрежное море, и она находит больше поучительного для себя в грязной луже.

Вспомните в портрет Свифта в пору его полного развития сил. Необычайная энергия светится в каждой черте его правильного, красивого лица, энергия нервная, пронизывающая, не знающая ни минуты покоя. Изгиб губ, кривизна линий, очерчивающих подбородок и ноздри, проведены резко, точно высечены из мрамора; пронизательные голубые глаза, высматривающие из-под густых бровей, производили в особенности сильное впечатление на современников: выражение их менялось как бы по произволу и становилось то насмешливым и мягким, как лазурь небесная, то презрительным, негодующим, мрачным, как туча. Приподнятые вверх углы рта – признак тонкого юмора, живого остроумия; но во всем лице нет и следа спокойствия, столь свойственного вдохновенным

поэтам. Все это говорит о могучих страстях и чувствах, двигавших Свифтом, но о страстях сдержанных, укрощенных силою разума и обреченных поэтому искать для себя выхода в безустанной умственной работе и в безостановочном водовороте умственной борьбы.

Среди англичан чаще, чем среди других народов, встречаются подобные характеры: беспредельная горячность, пылкость чувства, обуздываемая и сдерживаемая не менее могучим разумом. Поэтому-то произведения таких представителей англосаксонской расы, как Свифт, Джонсон, Карлейль, носят своеобразный, исключительно им присущий характер, а когда знакомишься с жизнью этих людей, то невольно, несмотря на все несимпатичное, часто грубо эгоистичное, с чем встречаешься здесь, преклоняешься перед их энергией и убеждаешься вочино, что имеешь дело с истинными титанами человеческого рода.

На надгробной плите, под которой покоится прах Свифта, вырезана, согласно его собственному желанию, следующая знаменательная надпись: «*Hic depositum est corpus Jon. Swift... ubi saeva indignatio ulterius cozlacerare nequit. Abi viator et imitare, si poteris strenuum pro virili libertatis vindicem*». Что означает: «Здесь покоится тело Джоната Свифта... где жестокое негодование не может уже более терзать сердца. Иди, путник, и, если можешь, подражай ревностному поборнику за дело мужественной свободы». Даже могила не могла укротить Свифта, и он пожелал, чтобы из мрака ее, как вечное напоминание потомству, слышалась его неумирающая *saeva indignatio* (жестокое негодование) по поводу того, что в мире, покинутом им теперь навеки, нет *virilis libertas* (мужественной свободы). Этими двумя словами – *негодование* и *свобода* – Свифт сам определяет две главные точки, вокруг которых вращалась вся его жизнь и вся его деятельность. В сущности, это даже не две разные точки, так как при наличии известных условий они составляют один нераздельный фокус. Там, где нет свободы, там люди – сильные и слишком великие для того, чтобы склонить свою голову наравне с массой под ярмо рабства, – испытывают и могут испытывать одно только чувство всепоглощающего негодования. И наоборот, когда негодование вырывается бурным потоком, несмотря на все преграды, то это значит, что достоинство человека попрано и свобода его нарушена...

Да, Свифт представляет собою единственное в своем роде во всей западно-европейской литературе воплощение «*saeva indignatio*». Как это ни странно на первый взгляд, но жестокое, свирепое негодование Свифта шло рука об руку в его характере с пылкой чувствительностью; эти два основных течения, взаимно сталкиваясь, породили все то таинственное и непонятное в его жизни, что вызывало и всегда будет вызывать особый интерес к личности гениального сатирика и памфлетиста. Люди более мелкого калибра прибегают к разного рода компромиссам и так или иначе устривают мир между своею чувствительностью и своим негодованием. Но Свифт был совершенно неспособен на подобного сорта сделки, и *saeva indignatio* прошла, можно сказать, опустошительным вихрем в его жизни, сокрушая и уничтожая все на своем пути. Она опустошила его личную жизнь, разбила его политическую карьеру, беспощадно осмеяла политические дела и общественную жизнь горячо любимой им Англии, посягнула на само человечество и дерзко пыталась ниспровергнуть его с пьедестала. Когда, казалось, уже все было разметано и разбросано, тогда она поразила сам организм, служивший ей воплощением, и повергла его в мучительную и бесконечно

длившуюся агонию. Та же двойственность его личного характера отразилась и на общем тоне его произведений: под насмешливым юмором, веселым смехом, спокойной, иногда, кажется, убийственно холодной сатирой таится самая пылкая страстность, – и чем холоднее становятся его рассуждения, тем сильнее дает о себе знать сдержанная, но благодаря этому лишь удесятерившаяся страсть.

Идея свободы, одушевлявшая Свифта, определяет и главное содержание его произведений, получивших мировую известность и утвердивших за своим творцом всеобщее признание гения; это – беспощадное преследование лицемерия и насилия во всяких его видах и образах, лицемерия в самом широком смысле слова, которое ютится как в сердце отдельного человека, так и в массе общественных учреждений и общественных дел. Свифт принялся за очистку авгиевых конюшен и, чем он глубже погружался в эту работу, тем отвратительнее ему представлялось все это человечество, утратившее свою первобытную простоту и правдивость и обросшее непроницаемым слоем лжи, грязи и мерзости. Таким образом возникла мизантропия Свифта, и он воплотил человечество в презренном образе *йеху*.

Но обо всем этом мы узнаем в своем месте. Вышеприведенными общими замечаниями относительно сущности характера Свифта и его произведений я пока и ограничусь. Я предпосылаю их самой биографии, так как считаю целесообразным в данном случае, когда приходится иметь дело с такой личностью, как Свифт, установить предварительно общую точку зрения, которая дала бы возможность разобраться во всех странностях и противоречиях, ассоциированных с именем гениального сатирика.

Глава I. Детство и первые годы возмужалости

Дед и семья Свифта. – Бедность. – Невольная поездка в Англию. – Килькенская школа. – Дядя. – Дублинский университет. – Свифт вступает в жизнь. – Вильям Темпл. – Недовольство. – Встреча с Вильгельмом III. – Нерешительность. – Первые литературные опыты. – Свифт становится священником. – Килрут. – Снова у Темпля. – Эсфирь Джонсон. – Смерть Темпля. – «Битва книг» и «Сказка о бочке». – «Решения»

Джонатан Свифт происходил из бедной семьи. Его дед, Томас Свифт, приходский священник в Гудриче, – о котором особенно любил вспоминать Джонатан, – хотя также не имел особенных средств, но, во всяком случае, жил в достатке, несмотря на свою многочисленную семью. Однако всеобщая смута, постигшая Англию во время гражданских войн, не прошла бесследно и для него. Как горячий приверженец короля, он принял деятельное участие в борьбе и оказывал содействие своим единомышленникам чем только мог. Он произносил речи ультраароялистического содержания, зорко следил за отрядами войск, беспрестанно передвигавшихся с места на место, уведомлял своих, предупреждая об угрожавших опасностях, наконец, жертвовал последним своим достатком для поддержания безнадёжного дела. Он проявлял большую энергию и деятельность. Простой деревенский народ с недоумением смотрел на своего викария. Несколько раз все его достояние подвергалось полному разграблению и расхищению, однако из неведомых недр его обширного, с массой всяких чуланов и кладовых, дома извлекались все новые запасы. Народ считал его просто колдуном.

Однажды, рассказывал Свифт, его деду случилось быть в городе, державшем сторону короля; правитель города, к которому он явился, просил его пожертвовать что-либо на пользу общего дела. Викарий снял свое верхнее платье и отдал его. «Ваше платье – слишком ничтожное пожертвование», – ответил тот. «В таком случае, – сказал викарий, – возьмите мою жилетку»... В ней оказались защитыми триста старинных золотых монет – пожертвование немаленькое для бедного, и притом еще вконец разоренного приходского священника. Он же был виновником, как утверждала молва, гибели 200 конных мятежников, переправлявшихся через речку и насадивших своих коней на острые гвозди какой-то машины, придуманной викарием и скрытой им на дне речки. Все это не прошло, конечно, для него безнаказанно. Местный временный комитет признал его не только беспокойным и подозрительным человеком, но даже опасным злоумышленником; поэтому он был арестован и заключен в тюрьму, а его ферма и все его имущество секвестрованы. С окончанием междоусобиц викарий получил свободу и снова принялся за восстановление своего разоренного пепелища, но он не дожил до Реставрации, которая, конечно, вознаградила бы его щедро за все понесенные жертвы. Таким образом, Томас Свифт не оставил почти ничего в наследие своей многочисленной семье, и члены ее предоставлены были всецело собственным своим усилиям.

Отец Свифта, также Джонатан, шестой или седьмой сын знаменитого викария, после смерти отца отправился в Ирландию, где его старший брат Годвин успел

уже нажать себе порядочное состояние. Джонатану было тогда всего только 18 лет; он существовал разными частными и случайными занятиями, которые доставлял ему брат. Несмотря на это, он вскоре женился на Эбигеле Ирик, происходившей из старинной лейчестерской семьи. Затем получил место управляющего королевскими усадьбами в Дублине, что обеспечивало хотя и небольшие, но верные средства существования. При поддержке богатого и пользовавшегося хорошим положением в городе брата Джонатан рассчитывал со временем сделать карьеру, однако этим надеждам не суждено было осуществиться. Он умер, оставив жене своей – с маленькой дочерью и беременной вторым ребенком – самые ничтожные средства существования. Джонатан Свифт, будущий великий сатирик, не знал, таким образом, вовсе своего отца. Он родился 30 ноября 1667 года, спустя семь месяцев после смерти отца.

Таким образом, Свифт увидел свет Божий при крайне печальных обстоятельствах. Злейший враг всей его жизни, которому он объявил в будущем жестокую войну, – зависимость встретила его на самом пороге жизни: мать не могла существовать своими средствами, и ей помогал Годвин.

Вообще, семейные традиции, имеющие немалое значение в умственном и нравственном развитии каждого человека, представляли для Свифта мало утешительного. Одна только фигура энергичного деда, имевшего, несомненно, кое-что общее со своим внуком, резко выделялась из серой заурядной жизни, посвященной заботам о добывании средств к существованию и мелким житейским делишкам. А непосредственная действительность была и того хуже. Свифт слишком рано лишился также ухода и ласк своей матери, женщины доброй, веселой и не без некоторого остроумия. Ему был всего лишь год от роду, как его самовольным образом увезла кормилица к себе на родину, в Англию. Сделала она это, правда, без всякого злого умысла; напротив, она так привязалась к ребенку, что не могла расстаться с ним и потому решила, когда личные дела потребовали ее присутствия в Англии, увезти тайком своего вскормленника. Он пробыл у нее целых три года, так как мать, отчасти по собственному нездоровью, а отчасти опасаясь за сына, не решила совершить с ним обратное путешествие через пролив и оставила его на руках кормилицы, пока он не окреп. Здесь же Свифт приобрел и первые познания в грамоте; когда мать взяла его обратно к себе, то он мог уже читать по складам Евангелие.

Возвратившись в Ирландию, Свифт недолго жил с матерью: шести лет он был отдан дядей Годвином в Килькенскую школу, одну из лучших в то время в округе. С этого же момента для Свифта, собственно, перестает существовать его родная семья, и он растет, как круглый сирота. Оторванный от матери, к которой он питал глубокую привязанность в течение всей своей жизни, Свифт терзался и мучился здесь, затаив в своем сердце злобу и ненависть к дяде, руководившему теперь его воспитанием. Он знал, что дядя располагает большим состоянием, но считал его жадным и думал, что он неохотно, в силу лишь необходимости, как ближайший родственник, поддерживал его. Вспоминая о своей школьной жизни, он среди прочего говорит: «Однажды, занимаясь ловлею рыбы, я заметил, что за крючок удочки дергает большая рыба; я стал ее тащить и почти уже совсем было вытащил на берег, как она сорвалась и исчезла в воде; досада мучит меня до сих пор, и я верю, что это было предзнаменование всех моих будущих разочарований...» Несомненно, грядущее, со всю его борьбою, терзаниями, разочарова-

ями и неудачами, лежало уже в зародыше в сердце школьника Килькенского училища и уже начинало проявлять первые признаки жизни. Четырнадцать лет Свифт поступил в Тринити-колледж в Дублине. Он был далеко не из выдающихся учеников. К некоторым наукам, например к метафизике, логике, схоластической, конечно, в то время, он питал положительное отвращение, – отвращение, весьма характерное для Свифта. Эта складка его мышления сказалась впоследствии во всех его работах. Зато он изучал довольно прилежно классиков и приобрел в этом отношении значительные познания. На последнем курсовом испытании он получил, между прочим, следующие отметки: по физике – скверно, по латыни и греческому – хорошо, по сочинению – небрежно. Такие отметки не давали права держать дальнейший экзамен на бакалавра, который состоял в схоластическом диспуте, и Свифту предстояло потерять еще один год; но в то время практиковался обычай допускать в подобных случаях к диспуту *specialis gratia*, как выражались тогда, то есть в виде особой милости. Это злополучное *specialis gratia* послужило впоследствии поводом для биографов обвинять Свифта в том, что он получил саму степень бакалавра из милости. Однако в действительности, как мы видим, это было не так. Вообще усиленным занятиям Свифта в университете сильно мешала полная необеспеченность и тягостное настроение, вызываемое мыслями о вечной зависимости. Давал ли дядя повод к подобным мыслям или они возникали просто из самолюбия и гордости Свифта, – во всяком случае, ему приходилось считаться с ними, и он терзался. В пылу негодования он говорил, что дядя дал ему собачье воспитание; между тем к другим родственникам он относился тепло и сердечно. Надо думать, что были же какие-нибудь внешние обстоятельства, послужившие причиной такого озлобления. Лишенный теплого, благотворного влияния родной семьи и вполне предоставленный своим собственным терзаниям, Свифт уже здесь, в колледже, познал всю цену независимости и материальной обеспеченности как необходимого условия первой. Мысль добиться независимого существования прочно запала в душу юноши и служила решающим мотивом во многих важных случаях дальнейшей его жизни. Свифт никогда не был скупцом и скрягой; напротив, целой вереницей проходят люди, родственники и неродственники, которым он оказывал материальную поддержку; но он слишком хорошо знал цену деньгам и потому отличался замечательною бережливостью и аккуратностью в своих расходах.

Однажды, еще в бытность в колледже, когда Свифт находился в особенно угнетенном настроении, так как даже ненавистный дядя Годвин не мог уже более его поддерживать (тот разорился на разных спекуляциях), и с отчаянием думал о своем будущем, он заметил из окна какого-то матроса, очевидно иностранца, ходившего взад и вперед по двору и разыскивавшего кого-то. «А что, если это посланец от моего двоюродного брата Уилауби, – подумал он, – и ищет меня, чтобы передать подарок от него...» Предчувствие не обмануло: мечта оказалась действительностью. Моряк вошел в его комнату и подал ему кошелек, плотно набитый деньгами, говоря, что это – подарок от двоюродного брата Уилауби, занимавшегося тогда торговлей в Лиссабоне. Радости Свифта не было предела; он горячо благодарил посланца и предложил ему часть денег в вознаграждение за труд, но тот отказался. Свифт поторопился спрятать столь ценный для него подарок. Это была первая значительная сумма, попавшая в его руки, – но он уже

знал цену деньгам и проявил, несмотря на свои молодые годы, ту расчетливость, которую часто путают со скупостью. В течение долгого времени незабвенный кошелек выручал его в затруднительных случаях.

Получив степень бакалавра, Свифт ревностно принялся за систематическое чтение, продолжал заниматься классиками и начал изучать новейшую французскую литературу.

Он готовился к магистерскому экзамену. Однако вскоре ему пришлось изменить свои намерения. Лишенный всякой поддержки, он не мог более оставаться в университете. Приходилось заботиться уже не о науке, а о необходимых средствах существования. Подарок Уилауби пришелся весьма кстати. Свифт решил, что это будет последнее одолжение, которое он принимает от родных, и что с этого момента он должен стать на собственные ноги и завоевать себе положение, соответствующее его непомерному самолюбию. Страстное стремление к независимости воодушевляло его, а могучие силы, таившиеся в нем, служили достаточной гарантией того, что он добьется своего; однако для успешной борьбы необходима еще известная выдержанность, известная дисциплина, регулирующая и неуклонно направляющая силы человека к одной намеченной цели, и такой-то дисциплины совершенно не доставало Свифту. Но ведь она и приобретается людьми бесстрашными и наделенными пылким темпераментом лишь из самой жизни и путем непосредственной жизни. Медлить было некогда, и Свифт вступил в жизнь, – чтобы познать все трудности ее и вынести все бремя тяжести, налагаемое демоническим гением гнева и отрицания, – юношей двадцати одного года. Гений подобного рода проявляется обыкновенно в более зрелом возрасте; поэтому на первых порах в жизни Свифта мы замечаем лишь беспокойное непостоянство, непоседливость, резкость и грубость, насмешливость и колкость, гордость и презрительное отношение ко всему, что причиняло ему страдания, и одно только ясно осознанное стремление – завоевать себе во что бы то ни стало независимость.

Выход Свифта из университета совпал с крайне тревожными событиями, главной ареной которых была Ирландия. Яков II бежал из Англии и искал опоры в преданных ему католиках. Ирландцы откликнулись на призыв своего короля. Снова разгорелась междоусобица. Англичанам пришлось покинуть свои насиженные места и искать спасения в бегстве. При таких условиях Свифту в Ирландии тоже было не на что рассчитывать, и он бежал вместе с другими. Приехав в Англию, он направился первым делом к своей матери, жившей в Лейчестере. Отношение его к матери было всегда самым теплым и сердечным; в последующие годы своей жизни он часто навещал ее, совершая свои путешествия иногда пешком. Но что ему было делать теперь в Лейчестере? Мать не имела никакого положения, проживая на свои несчастные 20 фунтов (200 р.). Разве заниматься любовными интригами? И сам Свифт признается, что он повинен в подобных забавах, – флиртешах, как называют их в Англии, – но что он никогда не выходил из известных границ. Еще в университете, не выходя далее полумили от ворот, он научился обуздывать свои matrimoniaльные стремления, в чем ему много способствовал «холодный темперамент». «Одно весьма почтенное лицо в Ирландии, – писал он в одном из своих писем, – которое снизошло до того, чтоб заглянуть в мою душу, часто говаривало мне, что моя душа подобна заколдованному духу, который наделает бед, если я не найду ему выхода...» И вот он, чтобы